

Борис Барабаш

КРЫМСКИЕ ПОДСНЕЖНИКИ

Благодатный край Крым!
«Орден на груди планеты» —
говорила о нем королева Виктория.
Море, горы, степи, лес — всем
одарила его природа. Находясь на
перекрестке мировых торговых путей,
Крым всегда привлекал внимание
сильных мира сего. Оттого так часто
за обладание этой благословенной
землей люди беспощадно убивали
друг друга. Последняя крымская
война разразилась в 90-х. Война
криминальная. О некоторых ее героях,
их судьбах — наш рассказ.

І ГЛАВА

*СССР, Крым. 1989
год.*

Эта история началась обычным летним утром. Сквозь плотную ткань шторы, в небольшую, двенадцатиметровая комнату пробивался солнечный свет. Старый диван, стол, шкаф, две детские кроватки, телевизор. Из всех углов кричала бедность. На диване спал человек. В комнату вошла миловидная молодая женщина. Только что, накормив детей завтраком, она отправила их в школу и детский сад. Тихо прикрыв за собой дверь, женщина села на край кровати.

— Борис Ильич! Пора вставать! — нагнувшись к мужчине, тихо сказала она.

— Угу! А сколько там времени?

— Начало восьмого. Вставай! — ответила женщина и нежно погладила мужчину по волосам.

Он неожиданно сильно привлек к себе женщину. Его рука легла ей на ногу.

— Иди сюда!

— Не получится. Пару дней надо подождать, — с виноватой улыбкой ответила женщина.

— Вот так вот! Нет в жизни счастья! — разочарованно проговорил Борис.

Спустя несколько минут он уже надевал спортивный костюм и кроссовки. Спортивное прошлое приучило его к ежедневному кроссу, после которого — душ и завтрак.

— Эй, на шхуне! — позвал Борис. — Жека!

— Что? — спросила женщина, заглядывая в душ;

— Ты чего не отвечаешь? Каша готова?

— Готова. Я была на балконе. Не слышала.

На столе в маленькой кухне стояла тарелка с кашей и чашка кофе.

— Что у тебя сегодня? — спросила Женя;

— Как всегда. Обойду своих работодателей.

Может им чего надо?

— Уже за то, что ты ходишь к ним по такой жаре, они должны платить! А ты им еще и работу делаешь! Жлобы!

— Жлобы... Мне надо зарабатывать на хлеб? Да и научиться надо. Кто будет платить большие деньги, если я только оканчиваю институт? Практики всего год.

— Да... Правильно, конечно. Но тебя жалко.

— А чего меня жалеть? Так же будет не всегда.

Сделав последний глоток кофе, Борис сказал:

— Всё! Благодарим за завтрак! Я пошел.

Он вышел из дома, сел в автобус, и поехал на работу. Основным местом работы была должность

юридического консультанта в строительном управлении. Борису в ней не платили ничего. Но в обмен на юридические консультации предоставляли бесплатно кабинет с телефоном и не вникали в то, чем он занимался. С работой строители не надоедали. Иногда, лишь, обращались по поводу трудовых споров и семейных дразг.

Едва войдя в кабинет, Борис услышал телефонный звонок. В трубке звучал мужской голос:

— Алло! Извините, а могу я услышать Бориса Ильича?

— Можете. Это — я. Слушаю вас!

— Здравствуйте, Борис Ильич! Меня зовут Дмитрий. Мне Вас рекомендовала Ольга Леонидовна. Она сказала, что только Вы мне можете помочь.

— Ух, ты! Только я! Это интересно. Чем же я могу Вам помочь?

— Да по телефону вряд ли расскажешь. Тут у меня целое дело. Мы могли бы встретиться?

— Могли бы. Знаете, где я нахожусь? Очень хорошо. Приезжайте.

Через некоторое время в кабинет вошел молодой, хорошо одетый человек, и с заискивающей улыбкой произнес:

— Борис Ильич? Здравствуйте! Я — Дмитрий. Я Вам звонил.

— Да-да! Прошу Вас! Присаживайтесь!
Слушаю.

— Борис Ильич! Влип я в одну историю и не знаю, что делать... В общем, так. У меня есть небольшая фирма. Я и хозяин, и директор. Занимаемся мы, в основном, продажей путевок в здравницы Крыма. Месяц тому назад я уехал в Москву. Перед отъездом подписал несколько пустых бланков платежей и отдал своему бухгалтеру. Сами понимаете, с моим отъездом жизнь, ведь, не должна заканчиваться. Верно?

— Верно. Бухгалтер — мужчина?

— Нет, женщина. А что? Это важно?

— Пока не знаю. Просто так спросил.

Продолжайте.

— Пробыл я в Москве несколько недель. Возвращаюсь в Крым и узнаю, что мой бухгалтер перегнула, по тем самым платежкам, все деньги моей фирмы на счет какой-то фирмы-однодневки. Они ей всё обналичили, «озеленили» и исчезли. Мой бухгалтер тоже. Пошел в милицию, а они говорят: «Если и возбудим дело, то Вы попадаете под подозрение тоже. Платежки, ведь, подписаны Вами». Но и это не всё. Вчера приехали кредиторы — те, кому я должен за путевки, и требуют денег. Я им всё объяснил. Ни хрена не верят. Говорят, что я их обманываю.

— О какой сумме идет речь?

— Примерно, штук семьдесят.

— Долларов?

— Да.

— Знаете, Дмитрий, — медленно проговорил Борис после некоторой паузы, — есть такой анекдот. К одному раввину пришла женщина, и целый час жаловалась на своего мужа. После этого она спрашивает раввина: «Ребе! Я права?» «Да. Ты права» — отвечает раввин. Через некоторое время к раввину приходит муж этой женщины, и целый час жалуется на жену. В конце концов, он спрашивает: «Ребе! Я прав?» «Да, ты прав» — отвечает ему раввин. Свидетелем всего происходящего был один молодой человек, который находился в синагоге. Он подошел к раввину и спросил: «Ребе! Извините! Можно Вас спросить?» «Да — ответил раввин. — Спрашивай». «Вот к Вам пришла женщина и жаловалась на мужа. Вы ей сказали, что она права. Затем пришел ее муж и жаловался на жену. Вы ему тоже сказали, что он прав. Как же так?» Раввин внимательно посмотрел на юношу и сказал: «Ты тоже прав!»... К чему я рассказал этот анекдот? К тому, что каждая из сторон в Вашей истории права по-своему: Вы, милиция, кредиторы. Это так. Кратко.

— Борис Ильич! Можете мне помочь? — с надеждой в голосе произнес Дмитрий. Возьметесь за это дело? Я Ваши услуги оплачу. Скажите

только, сколько?

— Дмитрий! Послушайте. Этот кабинет принадлежит одной организации. Я в ней работаю юрисконсультom. Иными словами, я не частнопрактикующий адвокат. В каком качестве я предстану перед органами следствия? Это — первое. Теперь второе. В Вашей истории присутствуют признаки состава преступления. Однако никто не докажет, что Вы не причастны к нему.

— То есть?

— То есть? Чтобы не платить за путевки кредиторам, Вы, по предварительному сговору с бухгалтером, подписав бланки платежных поручений и уехав из города, похитили совместно семьдесят тысяч долларов. Бухгалтер исчезает. В условленном заранее месте Вы с ней встречаетесь и делите деньги. После этого, Вы возвращаетесь в город и изображаете из себя обворованного бизнесмена. Такое возможно? В-о-от! То-то и оно. В этом — вторая причина, по которой я не могу взяться за это дело.

— То есть, Вы мне не верите?! — вспыхнул Дмитрий.

— Дело не в вере, а в том, что при существующих обстоятельствах, я, как юрист, вряд ли смогу Вам помочь. Брать же с Вас деньги, зная, что помочь не смогу, не в моих правилах. У меня

свои принципы. Может быть, из-за этого я и небогат. Принципы — категория дорогостоящая. Их себе могут позволить только богатые люди. Ну, это уже философия, к сути Вашего дела, не относящаяся. Такие вот дела, милостивый государь!

— Борис Ильич! Я все понял. Тогда у меня есть еще одна просьба.

— Так!

— Говорят, в городе действуют несколько бригад бандитов. Вы смогли бы с ними поговорить?

— О чем?

— Я знаю, где прячется эта сука, бухгалтерша. Пусть они туда поедут и разберутся с ней! Сколько они возьмут за это?

— Дима! Среди бандитов Робин Гудов нет. Имейте это в виду. Во-первых, забрав у неё деньги, они вряд ли Вам что-нибудь отдадут. Скорее всего, Вы им будете еще должны. Во-вторых, а что, если эти ребята переусердствуют с дамой? Изнасилуют ее, например? Или она от страха умрет? Тогда Вы попадаете под уголовную статью, как соучастник. Но даже если с ней ничего не произойдет! Все равно, Вы будете у них на крючке. Поэтому, мой Вам совет — не лезьте в это дерьмо. Здесь надо хорошо подумать!

— Я уже подумал, Борис Ильич! Я Вам очень благодарен за честный, квалифицированный ответ. Но, все-таки, я хочу Вас попросить поговорить с

бандюками. Через милицию я ничего не решу, Вы сами это признали. Так что? Простить этой суке семьдесят штук? Ни хрена! Не выйдет! В крайнем случае, возьму пушку и сам ее застрелю!

— Э-э, нет! Горячиться не надо! Горячиться не надо! Эмоции здесь ни к чему!

Борис поднялся, остановился у окна и молча смотрел в него.

— Хорошо! — после некоторого раздумья проговорил он, — сам я с этой публикой не знаком. Но выйти на них можно. Предлагаю компромиссное решение. Я встречу с ними, и, если увижу шансы, сведу Вас. Договаривайтесь без меня. Устраивает?

— Да! Вполне! Отлично! Когда Вам можно позвонить?

— Так... На поиски концов уйдет некоторое время. Давайте созвонимся через два дня.

— Договорились!

Пожав руку Бориса, Дмитрий вышел из кабинета. Весь остаток дня, давая консультации и разбирая трудовые споры, Борис думал о сегодняшнем визитере и о его деле. В конце концов, в мозгу выстроилась некая логическая схема.

На следующий день Борису позвонил один из его бывших клиентов.

— Борис Ильич! Приветствую! Это Сергей.

— Привет! Что слышно с моей просьбой?

— Слышно вот что. По порядку. «Пробил» я

этого хера — Диму. Он не гонит. Как рассказал, так и было. «Кинула» его бухгалтерша. Это у неё не первый раз. Она уже так однажды развела пансионат «Сокол». Но директор поднимать шум не стал.

— Почему?

— Потому что он с ней жил. Да и в теме он, говорят, был. В общем, не знаю, но его начальство как-то деньги списало, что ли. Она где-то пряталась. Потом появилась в городе опять. Не рисовалась. Устроилась к этому Диме. Быстро втерлась в доверие. Говорят, что минет она делает мастерски. Может это сыграло главную роль? Не знаю. Сам этот Дима, тоже дерьмо редкое. Они друг друга стоят. Надо будет, расскажу подробнее.

— Так. Хорошо. Что по бригаде?

— Самая солидная из них — это бригада «Уинстон». Командует парадом там — Ваня. Я его хорошо знаю. Серьезный человек. Масло в голове есть. Если Вы хотите с ним поговорить, то он Вас будет ждать в своем офисе сегодня, в 15 часов.

— В своем офисе? А что, братва уже офисы открывает?

— Да нет. Они сидят в офисе юридической фирмы «Консул».

— Хм! Цирк! Ну, хорошо! Спасибо, Серега! Я к 15 часам подъеду. Передай.

В назначенное время Борис вошел в офис фирмы «Консул». Девушка-секретарь спросила, чем она может помочь. Борис назвал себя, и она тут же его провела к одной из дверей. Постучала, вошла, пригласила. Кабинет был обставлен с кричащей, пошловатой роскошью. За столом сидел молодой человек, примерно, двадцатипятилетнего возраста. Короткая стрижка, ломаный нос, внимательный взгляд глубоко посаженных, голубых глаз.

— Привет! Присаживайтесь! — проговорил хозяин кабинета, выйдя навстречу и протягивая руку. Губы улыбались, а взглядом жег.

— Привет! — ответил Борис.

Но не успел он усесться в кресле, как в комнату с шумом ввалился громила. Развязно сев напротив, вынул из кармана пистолет:

— Ну, чё? Будем стрелять?

Борис внимательно посмотрел на него. Затем, медленно повернувшись к хозяину кабинета, спросил:

— Кто этот шут?

Хозяин, очень внимательно следящий за происходящим, чуть улыбнувшись, тихо, но властно сказал:

— Корж! Выйди!

Сыграв свою роль, Корж, резко поднявшись и одарив Бориса многозначительным взглядом, вышел.

— Извини! — с улыбкой сказал хозяин. Вот с такой публикой приходится работать! Меня зовут Иван.

— А меня — Борисом Ильичом.

— Хорошо, Борис Ильич! Я понял. Не возражаете, если перейдем на «ты». Мы, ведь, люди простые.

— Договорились.

— Ну, что? К делу?

— Да.

— По этой истории бухгалтерской я знаю от Сереги немного. Так, суть дела. Поэтому не будем ходить вокруг да около, и тратить время. Твое время, прежде всего. Вот что скажу. Мы о тебе наводили справки. Не обижаешься?

— На обиженных воду возят.

— Понял... Интересный ты дядя.

— Так мы обо мне будем говорить?

— Ты прав. Поговорим о деле. За этого перца, о котором ты пришел говорить, мы подписываться не будем. Поэтому схема такая. Мы у него узнаём, где прячется эта вафля, бухгалтерша. Получаем с неё бабки. Ему скажем, что нарвались на ментов. Из-за него. Так что с него еще устраиваем получалово. Все бабки — наши. Ты — в доле. Что скажешь?

— Скажу «Нет!» Я не участвую.

— Ты чё? Честный?

— Ваня! Ты же говорил, что наводил обо мне справки?

— Ну?

— Тебе сказали, что я занимаюсь «разводом» клиентов?

— Нет. Мне сказали, что ты прямой мужик. Поэтому я тебе прямо и сказал.

— Нет, Ваня. Я в этом не участвую. Будь здоров.

— Подожди! С этого дела можно получить под «сотку». Минимум тридцатник — твой. Червонец через час привезем авансом.

— Ваня! Я сказал, ты слышал. Будь здоров!

— Будь здоров! Но ты, с такими фортелями, будешь жить в своей малосемейке до старости!

— Спасибо! Разберемся! Пока.

Вечером дома Борис что-то увлечено рассказывал детям. Девочка лет восьми и мальчик, примерно, пятилетнего возраста, слушали отца, раскрыв рот. Из кухни доносился запах чего-то вкусного. Зазвонил телефон.

— Жека! Послушай! — закричал Борис.

Жена сняла трубку.

— Алло! Здравствуйте! Да, сейчас. Борис Ильич! Тебя!

Борис с недовольным видом вышел из комнаты.

— Алло! Слушаю вас!

— Борис Ильич? — раздался в трубке
незнакомый мужской голос.

— Да.

— Звонят из горвоенкомата. Вы смогли бы
зайти к нам завтра, в 18 часов для сверки
документов? При себе необходимо иметь паспорт и
военный билет.

— Хорошо. В какой кабинет заходить?

— В четвертый. Дежурный скажет.

— Хорошо. До свидания.

Из кухни выглянула Женя.

— Кто звонил?

— Из военкомата.

— О! Еще в армию заберут!

— Так, вроде, уже был.

— Ну, на какую-нибудь переподготовку?

— Да никуда я не пойду! Делать мне больше
ничего. Ужин по этому поводу не отменяется?

— Нет. Мойте руки. У меня всё готово.

За ужином Борис о чем-то рассказывал. Потом
разговор перешел на тему последних событий.
Женя внимательно слушала.

— Ты чего такая грустная? — спросил жену
Борис;

— Да так, ничего. Не знаю. Какие-то
предчувствия.

— Предчувствия относительно чего?

— Да не знаю. Не знаю. Не обращай внимания.

— Не могу не обращать внимания.

— Ну, не знаю. Не поняла еще. То ли эта история с Димой и бандитами. То ли звонок этот, из военкомата... Что-то тревожит.

— Честно говоря, у меня тоже какой-то осадок есть. Даже знаю какой.

— Какой?

— Они могут этого Диму просто порвать.

— А ты его предупредил?

— Я ему все сказал еще до того. Русским языком объяснил, чем это пахнет. Все равно, подавай ему бандитов! Люди — дураки! Верят в сказки о суровых, но справедливых ребятах.

— Ну, а после разговора с этим Ваней, ты виделся с Димой?

— Виделся. Все ему сказал.

— Что всё?

— Сказал, чтобы он не лез со своей темой к бандюкам. Ничего хорошего из этого не выйдет. Помочь ему легальными методами сложно, но можно. Надо подождать. Но вижу, что человеку свербит в одном месте. Хочется всего и сразу. В конце концов — это его дело. Он — взрослый мальчик. Пусть делает то, что хочет. Я ему кто, папа?

— Всё правильно.

— Он меня спросил, я ему ответил. Выбор за ним. И всё равно, осадок есть. Они и без меня выйдут на него. Навешают лапши, а потом разорвут.

— Думаешь?

— А почему нет? Семьдесят тысяч на кону. Они с этого живут.

— Так может быть надо сказать этому Ване, чтобы он его не трогал.

— Да? А кто я такой? Приду к Ване, а он от страха в штаны надевает. Сам Борис Ильич сказал не трогать!

— Н-да... История...

— Ладно. Давай, мой посуду. Уложим детей и пойдем, пройдемся перед сном. Идёт?

— Да! Давай.

II ГЛАВА

Вечером следующего дня Борис подошел к зданию горвоенкомата. Возле входа никого не было.

— О! А где народ? Всех призвали? — буркнул себе под нос Борис.

Он вошел в здание. Откуда-то сбоку неожиданно вырос дежурный.

— Слушаю Вас! — спросил он;

— Меня пригасили на 18-00, в кабинет № 4.

— Как Ваша фамилия?

— Арбит.

— Как?

— Арбит, — по буквам произнес Борис.

— Сейчас узнаю. Подождите.

— Хорошо.

В самом военкомате тоже не было посетителей. Это показалось Борису странным. Из кабинета напротив вышел офицер.

— Это вы — Арбит?

— Так точно.

— Подождите, пожалуйста, несколько минут.

— Подожду. А куда деваться?

Офицер зашел в свой кабинет. Через неплотно закрытую дверь Борис услышал разговор.

— Дмитрий Владимирович! Он пришел. Да. Сидит в коридоре. Хорошо. Есть!

Перед Борисом вырос всё тот же офицер.

— Пожалуйста, пройдите вот сюда. Это — ленинская комната. Надо подождать минут пять.

— А кого?

— Сейчас, сейчас... Я не знаю, — как-то испуганно ответил офицер и выскочил из комнаты.

Через несколько минут в комнату вошел среднего роста мужчина в сопровождении того же офицера.

— Вот, Дмитрий Владимирович. Прошу! Располагайтесь, как удобно. Я буду рядом. Если

что, зовите. Я мигом!

Офицер спешно ушел. Борис остался в комнате вдвоем с неизвестным. Тот был совершенно седым, где-то под пятьдесят лет человеком, с открытым, русским лицом.

— Здравствуйте, Борис Ильич! — вежливо произнес он.

— Здравствуйте!

— Меня зовут Дмитрий Владимирович. Фамилия моя — Моисеенко. Я — подполковник КГБ. В настоящее время возглавляю городской отдел. Вот мои документы. Не обижайтесь, пожалуйста, на весь это маскарад. Мы не хотели приглашать Вас официально. Хотелось просто побеседовать в спокойной, неофициальной обстановке.

— Чем обязан?

— Для начала уточним некоторые Ваши биографические данные.

— Что Вас интересует?

— Можно Ваш паспорт?

— А Вы мне его вернете?

— Гарантирую!

Моисеенко внимательно рассмотрел паспорт и вернул его Борису.

— Ваше воинское звание — сержант? Вы служили командиром отделения мотострелков?

— Да.

— Во время прохождения службы Вы однажды вернулись за попавшими в засаду солдатами, хотя могли этого не делать. Так?

— Всякое бывало.

— Вы вернулись или нет?

— Вернулся. Но сначала я оттуда сбежал.

— Почему?

— Страшно было.

— Отчего же вернулись?

— Хрен его знает.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Есть. Вы знаете, почему вернулись!

— Дмитрий Владимирович! Чего Вы от меня хотите?

— Я уже сказал, чего я хочу. Почему Вы вернулись?

— Не знаю! А как бы я потом жил?!

— Хорошо. Поговорим о другом. Вы поступили в Харьковский юридический институт с четвертой попытки.

— Это вопрос?

— Да.

— Да, я поступил в Харьковский юридический институт с четвертой попытки. Зачем спрашивать, если Вы знаете?

— Борис Ильич! Не надо нервничать. Я уже Вам сказал, что хочу уточнить некоторые

биографические данные. Так для чего Вы столько раз поступали?

— Чтобы поступить.

— У Вас была в этом уверенность?

— Конечно, нет.

— Тогда почему?

— Не знаю.

— Вы не производите впечатления человека, который не знает, чего хочет. Так почему Вы столько раз поступали?

— Я всегда хотел быть юристом.

— Как Ваш отец?

— Не только поэтому. Просто я чувствовал, что это — моё.

— Почему же Вы не поступали раньше? Для чего нужно было оканчивать технический ВУЗ, идти в армию?

— Были на то причины.

— Какие?

— Я не был членом КПСС. Да и «пятая графа»...¹

— Вы были вчера в офисе фирмы «Консул»?

— Да.

— С какой целью?

¹ В СССР пятым пунктом (пятой графой) в анкетах была графа — «национальность».

— Я — юрист. Фирма «Консул» — юридическая.

— Вы там встречались с неким Иваном Котовым. Так?

— Так.

— О чем говорили?

— Это — допрос? Если да, то процедура его проведения несколько иная.

— Вы правы. Это не допрос. Это беседа. Поэтому, расскажите мне, пожалуйста, о чем Вы говорили с Котовым.

— Дмитрий Владимирович! Если бы это касалось меня лично, я бы рассказал. Но это касается моего клиента. Поэтому ничего я рассказывать не буду. Прошу меня понять.

— Хорошо! Тогда я Вам расскажу, о чем Вы говорили с Котовым. К Вам обратился предприниматель, некто Дмитрий Кареглаз. Его же бухгалтер «нагрела» его на крупную сумму и скрылась. Легальным путем вернуть деньги проблематично, и он обратился к Вам, а Вы — к Ивану Котову. В этом бы не было ничего предосудительного, если бы не одно обстоятельство. Котов — «бригадир» организованной преступной группы «Уинстон». Во главе этой ОПГ стоят несколько человек. Один из них — некто Паламарчук. Вы его знаете?

— Первый раз слышу.

— Котов — человек Паламарчука. И вот Вы, юрист, обращаетесь за помощью к этому человеку. Интересно, да?

— Я помощи не просил. Мы... обменялись мнениями.

— Но по этому делу?

— Да.

— Борис Ильич! Поговорим откровенно. Страну разрывают на куски. Ей приходит конец. Всякая шваль сбивается в стаи, и мы ничего сделать не можем. Нам зарплату стали задерживать, бензин не дают, с бумагой, и то дефицит. Такое ощущение, что это делают специально. Знаете... Когда я начинал в 60-х опером, такое и представить было нельзя. Недавно меня попросили возглавить здешний горотдел, потому что город — курортный, а местные ребятки сильно, уж, стали шалить. Симферопольская братва организовала тут свои бригады. Мы-то процесс пока контролируем. Но становится все тяжелее.

— Вы хотите, чтобы я Вас пожалел?

— Нет. Не хочу. Просто мне непонятно, как такой человек, как Вы, можете идти к ним на поклон.

— Никакого поклона не было! Я встретился с Котовым не из-за себя лично, а по просьбе клиента. Если Вы думаете, что они мне нравятся, то Вы глубоко заблуждаетесь. Была бы моя воля, я бы их

расстреливал. Это же настоящие паразиты! Но сейчас наступает их время. К сожалению. Почти все кооперативы им платят дань. А вы ни черта не делаете! Только информацию собираете. Вы что — статистическое бюро?

— Мы не статистическое бюро. Когда-нибудь наши сведения понадобятся. Ну, а сейчас, пока так. Мы люди подневольные. Действуем по команде. Будет команда — уничтожим их за несколько дней... Ладно! Спасибо, Борис Ильич, за потраченное время. Если я Вас как-то задел, не обессудьте. Вот мой телефон. Будут проблемы — звоните. А они у Вас будут. Не хочу каркать, но по характеру Вашему вижу.

— Спасибо за прогноз.

— И будьте внимательны. Паламарчуку, Котову и им подобным такие, как Вы нужны.

— Зачем?

— Да мало ли зачем? Ну, еще раз, всего хорошего. Город маленький, где-то да и встретимся.

Борис и Моисеенко пожали руки и вместе вышли из здания. Поодаль стоял белый «ВАЗ-2106».

— Подвезти? — спросил Моисеенко.

— Нет, спасибо. Я пройдуся. Да, кстати, Дмитрий Владимирович! А зачем меня вызывали-то?

— Я здесь человек новый. Знакомлюсь с людьми... Всего хорошего, Борис Ильич!

— До свидания!

Этой ночью Борис спал плохо. Переворачивался с боку на бок, а сон все не шел. События последних дней калейдоскопически мерцали в голове. Не спала и Женя. Борис тихонько встал, и вышел на балкон. Над головой застыло звездное небо, вдалеке виднелось море. Глядя на эти символы вечности, Борис немного успокоился. Мысли приобретали некую стройность.

— Да, уж! — подумал Борис. — События свалились, как кирпич на голову.

Было от чего не спать. Ко всем «радостям» последних дней прибавились и семейные неурядицы. До зарплаты оставались копейки. Да и телефонный звонок мамы был тревожным. Мысленно Борис вернулся к этому разговору.

— Боренька? Здравствуй, сынок! — раздался в трубке голос мамы;

— Привет, ма!

— Как вы там? Как дети?

— Всё хорошо! Как вы с папой?

— Да ничего, кряхтим. Видишь, какие времена настали? С каждым днем, всё «лучше». В магазинах ничего нет, а на базаре такие очереди! Можно их занимать, не выходя из квартиры. А как

у вас?

— Да ничего. Выкручиваемся. Здесь немного проще. Город маленький. Все друг друга знают. Меня тут считают «нужным человеком». Поэтому продукты как-то достаю. Что сделаешь? Такие времена.

— Борик! Я вот что хотела сказать. Послушай внимательно. Мы с папой подумали, и решили, что будем, наверное, уезжать.

— Куда?

— Ну, куда? В Штаты. Жить так дальше невозможно! С каждым днем всё хуже и хуже. Даже за деньги ничего не купишь! А что творится в стране вообще? Газеты нельзя читать. Из коммунистов сделали врагов народа. Папа не может это все выдержать. Ты меня слышишь?

— Да, я слышу;

— Борик! Ты вот что... Подумай хорошенько, и решай. Если захотите, давайте будем уезжать вместе. Я через пару дней буду говорить с Америкой, так ты мне должен сказать, оформлять вам вызов или нет. Это не такое простое дело!

— Ма! Я подумаю.

— Подумай! И о себе, и о детях! Что их здесь ждет? Я вижу, что тут делается. Если так пойдет дальше, то, не дай Б-г, будет кровь!

— Ладно, ма! Я подумаю.

— Расстроила тебя?

— Да. Мягко говоря. Ну, ладно. Папе привет передавай! И поцелуй от нас всех!

— Хорошо! Детей поцелуй! Мы за ними так скучаем, что не можем ни есть, ни спать. Жене привет!

— Передам!

— До свидания! Подумай и позвони мне. Буквально завтра!

Часы в комнате показывали половину пятого утра. Нужно было идти спать. Через пару часов — на работу. Борис посмотрел на спящих детей и лег на свое место. Женя прижалась к нему и обняла. Неожиданно пришло чувство покоя и умиротворения. Он уснул.

III ГЛАВА

Следующие несколько дней прошли в обычном ритме. С утра Борис ездил на свои работы. В переполненном троллейбусе всегда несло потом. Летом публика не мылась, потому что лето. Зимой, потому что зима. Принимавший дважды в день душ Борис, в этом окружении выглядел даже неприлично.

Кроме строительной кампании, он взял на юридическое обслуживание еще несколько мелких фирм. Иметь персонального юриста им было не по карману. Поэтому фирмы платили Борису

небольшой гонорар, и обращались к нему по мере необходимости. К сожалению, в этих организациях почти всегда находилась работа. Это раздражало, но выхода не было. Трудовые споры, семейные склоки, сплетни, сообщаемые конфиденциально, и гениальные планы по переустройству мира — всё это повторялось с унылой периодичностью.

Но вот однажды, на исходе дня, в кабинет Бориса тихо постучали. Он даже сразу и не разобрал стука, но когда он повторился, Борис ответил «Да!» Вошла пожилая женщина, закрыла аккуратно дверь и остановилась у порога.

— Вы ко мне?

— Если Вы — Борис Ильич, то да.

— Я — Борис Ильич. Вы проходите!

Присаживайтесь! Чем могу помочь?

— Ой! Даже сразу и не соображу. Все так странно.

— А Вы успокойтесь, и рассказывайте.

— Меня все считают сумасшедшей.

Борис удивленно посмотрел на нее.

— Так, может, Вы ошиблись? Вам не ко мне, а к доктору?

— Нет, к Вам! Мне люди сказали.

— Что они Вам сказали?

— Сказали, что Вы меня не выгоните.

Выслушаете и поможете.

— Хорошо. Тогда давайте по-порядку. Что

Вас ко мне привело?

— Привело горе. И я не знаю, как быть.

— Какое горе? Вас кто-то обидел?

— Нет, но меня никто не хочет слушать. А я правду говорю!

— Вы рассказывайте! Я Вас не выгоню и внимательно выслушаю. Обещаю!

— Спасибо!

— Итак?

— Да. В общем, у меня — два сына. Один из них, старший, умер недавно. Младший учится. Мы со старшим сыном жили вместе. Он был неженат. Пару месяцев назад что-то он заболел. Сначала вроде ничего страшного. А потом, с каждым днем все хуже и хуже. Врачи ничего не могут найти. Вроде все анализы нормально. А ему хуже и хуже.

Женщина заплакала. Борис подошел, мягко положил руку на плечо и спросил: «Принести водички, или, может, чайку?»

— Нет, нет. Спасибо! Извините!

— Ничего, ничего.

— В общем, умер он. Похоронила. Поминки сделала. А, где-то, недели две назад он стал ко мне приходить.

— Умерший сын?

— Да. Саша.

— И когда он к Вам приходит?

— По ночам.

— Что говорит? Или что делает?

— Говорит, что холодно ему.

— Так.

— Я уже сказала ему: «Не приходи, сынок! Не мучь меня!» А он все приходит. Только теперь ничего не говорит. Смотрит и молчит.

— Так.

— В церковь я пошла. Поставила свечку. Он все равно приходит. И, главное, чувствую, что что-то не так. Плохо ему там! Сумасшедшая я, да?

— Да, бросьте Вы! Просто я пока не понимаю, чем могу помочь?

— Сейчас скажу. Я стала ходить и просить, чтобы выкопали Сашу. На кладбище сказали, что не имеют права. А кто имеет такое право, не сказали. Пошла в горсовет, выгнали. В общем, пришла, вот, к Вам.

— Теперь ясно.

— Ясно, да? Правда?

— Ну, если я правильно Вас понял.

— Родненький мой! Скажите мне, что делать?

— Вас как зовут?

— Нина Федоровна я. Фамилия моя Никонова.

— Нина Федоровна! Послушайте меня внимательно. То, что вы просите сделать, то есть выкопать останки Вашего сына, называется эксгумацией.

— Как?

— Эксгумация. Ну, в общем, слово такое научное. И на кладбище Вам правду сказали. Они сделать это просто по Вашей просьбе, не могут.

— А кто может?

— Хм! Как Вам объяснить...? Кто может? Они могут, кладбищенские люди. Но только с разрешения. Разрешение такое дает прокурор. А прокурор разрешит только в том случае, если есть обоснованные сомнения в естественности смерти. Понимаете меня?

— Я понимаю. Но Саша умер естественной смертью. От болезни.

— В заключении о смерти что написано?

— Да я сейчас и не помню. Но от болезни. Точно. Название, только, позабыла.

— Ну, вот. Видите. И как прокурор даст санкцию на эксгумацию? Вы же не можете в заявлении написать, что к Вам сын по ночам приходит?

— Почему? Могу.

— Да, но он такое заявление оставит без удовлетворения. В общем..., так... Я поговорю с прокурором и Вам позвоню. Пока, вот так. Договорились? Надо потерпеть пару дней.

— Спасибо Вам! Я за вас на коленях буду в церкви стоять!

— Не надо! Не надо, Нина Федоровна! Ну, что Вы!? Мы же люди. Вы мне лучше Ваш номер

телефона продиктуйте.

Она продиктовала. Борис провел посетительницу до двери, и пообещал сразу же ей позвонить, как только будут новости.

Не откладывая дело в долгий ящик, Борис набрал приемную прокурора. Секретарь соединила, а прокурор согласился сегодня же принять. Через некоторое время Борис уже был в прокуратуре. Разговор был сложным. Но, в конце концов, прокурор города согласился принять заявление от гражданки Никоновой Н.Ф. В своем заявлении Никонова должна была указать свои обоснованные сомнения в естественном характере смерти сына. Эксгумация будет назначена на 10 часов утра следующего рабочего дня после удовлетворения заявления.

Борис позвонил Никоновой, и всё ей разъяснил.

Но в день эксгумации ему перезвонил сам прокурор. Борис был немало удивлен, когда в трубке он услышал прокурорский бас:

— Борис Ильич, желаю здравствовать!

— Здравия желаю, Юрий Николаевич! Что случилось?

— Да, уж, случилось... Ваша-то заявительница, Никонова, оказалась права.

— В каком смысле?

— А Вы еще не знаете?

— Нет.

— Ну, на эксгумации, могилу раскопали. Мои-то ребята там были. Так вот, раскопали, а могила полна водой. Да-а! Дела! Никифорова же утверждала, что якобы приходящий к ней во сне сын, жалуется на холод. Вот, поди после этого и не верь в загробную жизнь.

— Да... Это точно... А как поступили с останками, Юрий Николаевич?

— Перезахоронили. Там недалеко была как раз свежевыкопанная могила. Могильщики побурчали, конечно, но сделали. Нам придется тут еще с документами по этому заявлению поработать. Она, ведь, писала об обоснованных подозрениях. Сами понимаете... Но главное, сделано!

— Юрий Николаевич! Даже не знаю, как Вас благодарить! Просто жаль ее. Несчастный человек!

— Да не стоит, Борис Ильич! Общее дело делаем. Будьте здоровы!

— И Вы тоже, Юрий Николаевич! Спасибо!

На следующее утро Никонова уже ждала Бориса у дверей.

— Доброе утро, Нина Федоровна! Давно ждете?

— Доброе утро, Борис Ильич! Не знаю. Разве это ожидание?

— Ну, проходите! Присаживайтесь! Уже знаю. Поэтому, поздравляю.

— Да без Вас я бы чего разве смогла?

— Все в порядке.

— Борис Ильич! Прошу Вас принять нашу благодарность с Сашенькой! Тут немного, но от всей души!

— Вы что!?! Заберите деньги!

— Прошу Вас! Не обижайте! Возьмите! У Вас самого дети малые!

— Вот поэтому и не надо. Не надо! Честное слово! Заберите деньги! Вы мне лучше скажите, как сын.

— Саша?

— Да.

— Больше не приходит. Значит у него все хорошо. Но свечку я все равно поставила.

— Вот и хорошо.

Никонова ушла. Борис встал у окна и задумался. Он долго бы думал, если бы не раздался телефонный звонок.

— Алло! Можно Бориса Ильича к аппарату? — спросил незнакомый мужской голос;

— Можно! У аппарата!

— Борис Ильич? Привет! Не узнал. Будешь богатым!

— Хорошо бы. Пардон, с кем имею честь?

— Это — Иван Котов. Несколько дней тому назад мы встречались у меня в офисе.

— А! Узнал! Привет! Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто есть тема.
Мы можем поговорить?

— Конечно. Говори.

— Нет. Не по телефону. Давай встретимся.

— Ну, тогда только в районе 18 часов.

Устроит?

— Да. Ты как по городу перемещаешься?

— На своих двоих. Домой — на троллейбусе.

— Тогда мы так сделаем. В 18–00, у входа в твою контору будет стоять машина. Водила знает куда везти.

— Какая машина? Их у входа много.

— Серая «девятка». Такая там будет одна.

— Хорошо. Договорились.

В шесть вечера Борис вышел из здания. У входа стояла серая «девятка». Открыв дверцу, спросил:

— Вы, наверное, меня ждете?

— Если Вы — Борис Ильич, то Вас.

Борис сел в авто, и машина плавно тронулась с места. Через несколько минут они уже катили по трассе на Ялту. Остановились у придорожного ресторана. У входа поджидал бритоголовый «качок».

— Вы — Борис Ильич? — спросил он.

— Да.

— Прошу сюда!

«Качок» провел Бориса в полумрак зала. За

отдельным столиком сидел Иван. Он встал и протянул руку для рукопожатия.

— Привет! — сказал Иван;

— Привет! — ответил Борис, осматривая зал. — А тут недурственно. Никогда раньше не был.

— Вот видишь, как хорошо! Что будешь? Не стесняйся! Заказывай!

— Спасибо! Но, по-моему, ты хотел поговорить.

— Одно другому не мешает.

— Может быть. Но есть я ничего не буду.

— Почему?

— Если я чего-то захочу, я себе куплю.

— Не сомневаюсь. Но ведь я тебя пригласил.

— Пригласил. Но на разговор, а не на обед.

— С тобой тяжело говорить.

— Хм! Да? А мне всегда говорили, что со мной легко.

— Врали! Наверное им от тебя что-то нужно было.

— Возможно ты и прав. Предлагаю компромисс.

— Какой?

— стакан минеральной воды и плавно переходим к теме разговора.

— Как скажешь!

Официантка принесла заказ и растворилась в

полумраке.

— Слушай! — начал Иван. — Тут такое дело. Одному большому человеку в Симферополе надо проконсультироваться. Деталей я не знаю. Но знаю, что все юристы говорят ему, что дело дохлое. Даже за бабки. Сможешь помочь?

— А в чем суть?

— Не знаю.

— Вот тебе раз! Спрашиваешь, могу ли я помочь, а в чем суть дела не знаешь! Как же я тебе отвечу? Из какой, хотя бы, области проблема?

— Что?

— Ну, дело какое? Уголовное, гражданское, брачно-семейное?

— Ой! Не знаю. Но точно не брачно-семейное.

— Ну, а с чем ты на разговор шел?

— На разговор я шел вот с чем. Мне надо было узнать только, сможешь ли ты встретиться с большим человеком или нет. Не забздишь ли?

— А чего бояться? У него рога и хвост?

— Нет. Просто его фамилия Паламарчук. Слыхал?

Тут Борису вспомнился разговор с «комитетчиком». Да и фамилия эта была на слуху. Разговоры о Паламарчуке ходили разные. Но все сходились в одном — человеком он был умным, бесстрашным и жестоким.

— Так ты слышал о Паламарчуке? — повторил вопрос Иван.

— Да. Приходилось.

— Ну? Что скажешь?

— А что сказать? Юристы — как врачи. Если человеку нужна помощь, мы её окажем. Помогу чем смогу. Если не буду знать, так и скажу.

— Вот и славненько! Я тогда сегодня с человеком созвонюсь и тебе домой перезвоню. Устраивает?

— Да. Только слишком поздно не звони. Дети ложатся спать в районе 22-х.

— Хорошо. Договорились. Если, кроме воды ничего не будешь, тогда по коням.

— О'кей!

Они вышли из ресторана. Борис сел в ту же «девятку» и она умчала его домой.

Вечером, в половине десятого, в квартире Бориса раздался телефонный звонок. Борис сидел за столом на кухне и что-то писал. Телефон стоял на столе. Резкий звук звонка заставил его вздрогнуть.

— Слушаю вас! — негромко произнес Борис в трубку.

— Борис Ильич! Привет! Это — Иван. Не слишком поздно?

— Привет! Нет, не поздно. Мы ж договорились.

— Я звоню по поводу той темы.

— Которую мы в ресторане обсуждали?

— Да.

— Так что с ней?

— С ней вот что. У тебя завтра как со временем?

— С 10 по 18 день расписан. После 18 я свободен.

— Тогда предложение такое. В 18 ты, где будешь?

— У строителей.

— Значит в 18 часов, у их конторы, тебя будет ждать та же серая «девятка». Водила тебя уже знает. Вы заезжаете в «Консул», и оттуда мы на двух телегах прём в Симферополь.

— А встреча будет там?

— А ты хочешь, чтобы он к тебе приехал?

— Я ничего не хочу! Пока что хочет он! Или тут, как в анекдоте: «Приезжайте в СССР! А не то СССР приедет к вам!»

— Да, примерно так. Но если для тебя это принцип, я человеку передам. Он часто ездит в Ялту. Поэтому, может быть, сможет встретиться с тобой и здесь?

— Ваня! Это — не принцип. Просто мне ехать к человеку, у которого ко мне есть просьба...? Где логика? Будет в наших краях, милости просим.

— Хорошо. Я понял. Давай я сейчас ему перезвоню, а потом тебе. Или уже поздно?

— Нет. Звони. Телефон у меня на кухне, так что дети не услышат.

— Договорились! Тогда я не прощаюсь.

Борис положил трубку и продолжил писать. Через некоторое время вновь зазвонил телефон.

— Да!

— Еще раз, привет! Это — я, Иван;

— Привет! Можешь не представляться, я уже узнаю.

— Да? Хорошо. Так я всё о том же.

— Так.

— Я человеку всё сказал. Он тебя понял. Если ты не передумал к нему приезжать, то он завтра приедет сюда сам. Что скажешь?

— А что сказать? Очень хорошо! Я не передумал. От Симферополя до нас 30, ну максимум 40 минут езды. Столько же на разговор. Плюс обратная дорога. Два часа времени можно найти, если очень надо. Верно? Так что встретимся здесь.

— Хорошо. Сегодня я уже звонить тебе не буду, а завтра я тебя найду.

— Договорились!

Борис положил трубку, вышел из кухни и отправился в ванную. Стоя под струями воды, он размышлял о телефонном разговоре.

— Вот ты, брат, с бандитами и связался! Интересно, что бы отец сказал? А что бы он сказал?

Уж точно не одобрил бы! Он с подобной публикой всю жизнь боролся. Хотя... Сколько же мне тогда было? Лет пять? Помню шли мы как-то с папой к вокзалу, и у Привоза встретили пару бывалых людей в кепчонках и серых пальто. Они там просто стояли и о чем-то тихо разговаривали. Как увидели батю, так кепчонки приподняли и всё: «Здрасьте Илья Самойлович!» Папа держал меня за руку, подошел, мирно с ними поговорил. Без рукопожатий. Но мне стало страшно. Не знаю, чего. Это да. Было. А я? А что я? Я пока ничего такого, чего надо стесняться, не сделал. Да и вообще... Интересно, каков он, этот Паламарчук? И в чем там дело? Ладно... Поживем — увидим. Будет день — будет пища.

Борис закрыл краны, вытерся, почистил зубы и вышел из ванной. Прошел в комнату и лег в постель. Женя не спала. Она прижалась к мужу и спросила:

— Кто звонил?

— А ты слышала?

— Конечно.

— Я старался говорить тихо.

— А слов не было слышно. Так кто звонил?

— Ваня. На ту же тему.

— На какую? Встречи с этим, как его там...?

— Паламарчуком.

— Угу. Так об этом говорили?